

Показалось: кристаллы его

Крениус Экорза устало смотрел на потолок, разверзшийся аэродромом прямо у него перед носом. По аэродрому скользили разноцветные шарики, похожие на автомобильные подшипники, которым уже ничего не страшно. “Уф, показалось”, - подумал Крениус, и вдруг перед ним из ниоткуда появилось лицо, разраставшееся прямо из обоев и словно бы замуравованное в стены квартиры, обратившись к Экорзе едким электронным голосом: “Твоя миссия - это казаться”. Тотчас же лицо встрепенулась, выпорхнуло из обжитых уютных обоев, оставив на стене значительного размера вмятину, а затем поселилось прямо под потолком, точно жирная бабочка бражник, заменив люстру на свою тушку с глазами, закусившую под язык вытянувшиеся из потолка шнуры электропитания. “Я - Триба из племени Панцирных Рыб”, - чётко и неторопливо, но с оттенком назойливой гнусавости, как спросонья жужжащая бронзовка, произнесло лицо, словно бы гордясь избавлением комнаты от люстры вникуда.

Расплывчатые оттенки смутно знакомых Крениусу очертаний лезли отовсюду пульсациями и выбрасывались в разные стороны верчением, как у садовой поливалки, превратившись в отдаленное подобие жидкости, которая на самом деле стекает бесконечно, образуя стену, вроде светового водопада, однако же при всём том, и это несомненный факт, она остается одновременно твердой и сыпучей, продолжая пульсировать очертаниями. Лицо Трибы давало советы, она беспрестанно бубнила, не останавливаясь ни на минуту. Крениус Экорза более не мог терпеть болтовню лица из племени Панцирных Рыб, поэтому пошёл на таран выстрелом вопроса в упор: “Лицо, пожалуй, ведь ты же не возражаешь, если я нечаянно выйду отсюда?”

Триба улыбнулась и активно кивнула в ответ: она также не была лишена человеческих чувств или просто каких-то отголосков ощущений. На стене, на фоне образованного Трибой отверстия, принялась распускаться мясистой пахучей плотью цветов мутировавшей стапелии, обильно покрытый густой коричнево-фиолетовой шерстью, привлекая едкой тухлой вонью мух со всей округи. Открыв дверь, Крениус Экорза тотчас же скатился по ледяному насту с горки на саночках. Он всегда именно так и делал, когда хотел куда-то пойти: саночки успокаивают нервы, да и выход из его квартиры был прямым на вершину горки когда-то зимой где-то на детской площадке, а построенная в честь нового года горка для катания и особенно верхняя её платформа была как раз подробно, точно и

напрямую состыкована с квартирой Экорзы, так что скатываться в любом случае ему приходилось - хотел ли он этого или нет.

Летучее лицо Трибы последовало за ним и расплылось на весь горизонт, смешавшись с лазурью и размером заняв большую часть рассветного неба, точно капля оранжевой масляной краски, упавшей в центр ведра, наполненного масляной краской бирюзово-зеленоватого цвета. Улицы оказались необычайно красивы: всё залито невероятным по своей интенсивности тем самым бирюзовым флуоресцирующим свечением.

Блеск и мерцание всего городского окружения были настолько величавы и великолепны, что полуночные зарницы казались началом новой ранней зари, отраженной где-то в зенитных глубинах космических далей, усеянных тлеющими угольками всевидящих глазков звезд, делая небо похожим на изрешеченный и проржавевший бок сарайки, сквозь многочисленные дыры в котором в пыльную темноту и тишь хозпостроек проникали косые утренние лучи, вспыхивающие микроскопическими убегающими солнечными зайчиками в драгоценности мгновения жизни каждой из взвешенных в воздухе точек пыльных частичек, появляющихся на доли секунды из темноты и озаряемые дневным светиллом для того лишь, чтобы снова кануть в безвестное небытие невысвеченности. Как и жизнь человека - лишь волна озарения существования крупницей осознания, высвечивающей определённую форму и ограничивающей часть мироздания затем лишь, чтобы на сходе волны погаснуть вновь, делая людей подобными игре светотеней, но только в ролях за пятна светимости циклично разгорающихся и угасающих жизней.

Дома, переделанные из непомерно разросшегося гриба лисички, предназначенные для жизни и заселения таких существ, как Экорза или же таких, как лицо из племени Панцирных Рыб, расходились во все стороны синусоидальными всплесками и всполохами, однако, казалось, что никто из проходивших мимо людей этого не замечал. Триба грустно наблюдала за всем этим многообразными блеском красок с высоты глубинных своих лазурных далей. Крениус присмотрелся и увидел, что от лица её отлетают какие-то мелкие, точно пылинки, зеленоватые частицы, а ещё углубил свой взгляд и внезапно осознал, что лицо Трибы состоит из треугольников завитых разномастных полосок, настойчиво меняющих собственный цвет на устойчиво бутылочно-зеленый, как и всё остальное пространство, окружающее Крениуса в городе. Всё вокруг выглядело так, словно сказочными заиндевелыми кристаллами теней проецировались его чудаковатые и

внеземные полночные ведения.

Триба что-то настойчиво выговаривала, звала, гортанно гудела, точно тепловоз, но этот её тяжелый металлический гул постоянно скрывался, теряясь в пуще мохнатых ушей, постепенно ускользал, обращаясь в обрывки звуков и отголоски мыслей, более уже не имеющих значения. Экорза рассмеялся: он вдруг осознал, что панцирное лицо - это всего лишь оболочка, маска помощника сознания, не видящего даже собственного носа. Обстановка стала ближайшей к наиболее подходящей данности, а может, они вдвоём всё же были подходящими собственным подпространствам кристаллическими конусами между свободой и несвободой, размещённые здесь в самом натуральном смысле самопроявления и активно внедряющимися вовнутрь настоящего времени, только вот раньше Крениус этого не замечал.

Знание переполняло его, пугало, ошеломляло, отталкивало. Слишком уж много выплёскивалось эмоций и эманаций, мыслей, слуха и зрения, выходов в пользу разновариативного ненужного хлама лет, от которого иначе никак избавиться не удавалось, поскольку накопленный хлам выбросить в окошко воистину гораздо сложнее, чем, например, простой угольный утюг, белоснежным альбатросом или гордым буревестником парящий в высотах где-то над океанами, морями и туристами-лежебоками, греющими пузо на раскалённых пляжах мелкозернистого песка.

Всё тело Экорзы, ставшее теперь очень похожим на утюжок, стояло ему лишь на мгновение об утюгах подумать, неожиданно открыло в себе довольно странный всепроникающий и холотропно-центростремительный двойной заряд в контексте содействия с Трибой, точно дублирующий состояние внутреннего неожиданного электрошока его новообретённого племенного лица, на деле же несуществующего, стараясь жеманно сбросить с себя всё это царствующее безумие статического заряда посредством присыпки из микроскопически измельчённого талька. Щелчком в голове пришла Экорзе идея увидеть в себе микромир с проползающими по щекам, роговице глаз и носу каплями всевозможных небоскребов небывало другой архитектуры, отличной от общепринятой на нашей планете и окружающей каждого высоченными стволами бетона и стекла по подобию исполинского первозданного реликтового леса, прорвавшего сквозь поверхность окраин осознания Крениуса свой поднебесный частокол острых хвойных крон.

И тут взгляд Экорзы упал на собственные руки. Лицо же

племенного духа Панцирных рыб славно так и назидательно улыбалось ему в ответ. Он сполз вниз, лучиком ему удалось взобраться вверх, на вершину внутреннего небоскрёба, коготками зацепившегося где-то изнутри, и там уже, на самой его вершине, хоть и вывернувшись вовнутрь собственного естества, дабы достичь вершин, сумел он хорошенько так все обдумать: руки его были чуточку подвёрнуты в противоестественное положение и подёрнуты одновременно словно бы дымкой радужного эфира. Приглядевшись значительно повнимательнее, Крениус Экорза узрел, что именно его собственная толщина пара над поверхностью рук состояла из тончайших трёхцветных покрытий: чередующихся белых, чёрных и изумрудных плёночных покрытий, движущегося и колышущегося поля вокруг натруженных и тонких паучьих рук.

По поверхности их скользили гирлянды капелек всех вообразимых и даже невообразимых расцветок, касающихся светящимися флуоресцентными брызгами ионизирующей жидкости, так и не достигающей поверхности земли в конечном итоге завершения будущности самих себя в капельном обличье, падающих и распадающихся в ничто буквально в нескольких сантиметрах от земной поверхности. Казалось вот-вот ещё подождать чуточку - и маленькая капелька гирлянд эфемерности уже готова была свершить прыжок на высшее плато собственной, только для неё характерной и ей лишь известной неизвестности, тягуче, как помадка из патоки или желейная пастила, отчалившая и плывшая куда-то в бесконечность направляя чужеродные и мясистые всполохи жидко-наэлектризованной шипящей энергии в распадающийся пар необъятного и всепоглощающего пространства за разрезом кожистого кокона перцепции.

Точно - об этом лишь стоило подумать Крениусу, как он оказался висящим над этим волнующимся смолисто-битумным морем асфальта, поглощающим его волнующиеся всплески вьющейся отовсюду и морфящейся энергии, ткущей рисованный ковёр его шерстисто-пружинистых волос жизни. Океаническими рифами рухнувших в воронки кораблей центр города высился сверхскользящей сине-зеленой, как водоросль, тушей лесистых шупальцев гигантского кракена, красившего окружающее пространство в тёмные тона когда-то посредством собственных защитных чернил, заранее благоразумно свернувшись в колечко сцепленными орудиями вакуумных присосочек, похожих на растительные виноградные усики и столь же зеленовато-светофористых в своей глубоко древней и эволюционно развившейся маскировке истинного хищника.

Кожистые складки Экорзы вытянулись наружу, а точнее, даже выплонулись из асфальта наверх под облака, точно отключившиеся вмиг на время от этого ведущего сбор информации толпящегося сборища архетипов, продуцируемых мыльно-скользкой зеркальной поверхностью влажного и неподвижного лица доисторической Трибы. “Интересно, а кто там ещё варится в этих потоках вспахивающих огонков и отсветов помадных гирлянд?” - искренне заинтересованно, хоть и отстранённо-безучастно подумал наш Крениус, однако же выяснить ему ответ на заданный в уме вопрос на тот момент так и не удалось. Он зато просто остановился прямо посреди вершащегося хаоса, да так и стоял, как истукан языческий перед вывеской суши-бара, когда пляшущие вокруг него буквы вывески принялись сумбурно и бурно преобразаться, расставляясь палочками и крючочками вновь уже в измененном виде формы кислотно-оранжевых иероглифов, как шерохооватый плод фруктового красного огурца или сочащаяся соком морковь в запасливом погребеке поздней предновогодней осенью.

Вывеска, тем временем, приобрела объем, превратившись в уходящую вглубь пространства над дверью голографическую обёртку ярчайшего и изящнейшего художественного примера искусства плакатной живописи ранне-советского постреволюционного периода. На кажущихся выступах проступающей поверхности плаката висели пронзительно цветастые символы неизвестных для Крениуса иероглифических закорючек. Лицо Трибы, тем временем, спустилось с небес на землю и приступило к обретению внутреннего качества исполнения одного ему лишь только понятного выстраивания порядка мистического супеца собственной жизни, не забывая вплетать и впутывать в церемонию гимнового действия и не желающего ничего подобного Крениуса, в общем-то, и не особо подозревающего о том, что принимает участие в каких-то там почти конфуцианских алгоритмах.

По всему телу Экорзы заплясали тёмные и светлые чередующиеся полосы вспышек, точно от газовой горелки, только разве что не жгли, напоминая зато микроскопические цепочки искусственных полужидких силиконовых или пластиковых паучков, нанизанных на ниточке праздничных лучей лазерного проектора. Тело Экорзы приобрело необычайную для его лет прозрачность и пронзительность, а скатывающиеся вдоль позвоночника импульсы регулировали и характеризовали степень проявления этой небывалой, почти вообще невозможной, прозрачности. Точно воздушный шарик или полиэтиленовый пакет, покрытый бархатистой кожей и шерстью,

Крениус просвечивался насквозь, накладываясь всем своим занимаемым объёмом пространства, как газ, на изнанку Трибы, которая уже без промедления решила преобразиться сама лицом и не только, а также преобразить потоки исходящих отовсюду волеизъявлений, сама входя уже в трансовые ритмы поддержания свежееобретённого или даже свежееиспечённого, как рыбный пирог, тела.

- Ты на пути, ты уже открываешь истинную сторону проявления природы вещей, но ещё не проник в систему измерения и изменения коллекции каждой доступной вариации через глубинное понимание происходящих во внешней взаимосвязанности процессов, ведь нет ничего глупее и разумнее самого естества процесса жизни: самым наибольшим смыслом этого понятия и состоит глупость поиска каких бы то ни было смыслов там, где всё просто есть и всё! Именно в этом и зарыта собака незамеченной тобою стайки слонов иных миров. Однако же ты пока что выследил и вытащил слишком узкую дверь в заборе и то же самое произошло и в плане твоего осознания, что, конечно же, далеко не самый лучший для тебя вариант, поэтому путь на других сторонах тебе пока что закрыт. Временно. А всего-то надо было один-единственный раз не поскупишься, а просто быть шире и естественнее. Ну да будешь ещё. В конечном итоге, ведь это именно ты же меня и вызвал лично, так почему бы нам не стать единым целым? - такую речь провозгласила величавая и громогласная в своей всепроявленности Триба, и тогда предупреждения вдруг нурнула вовнутрь тела Крениуса Экорзы так, как только может нырять зимний экстремал-морж в только что прорубленную им со всем энтузиазмом пропасть отверстия проруби.

Когда панцирное лицо полностью слилось самовнушением и экспериментальными методиками суггестии по отношению ко Крениусу, став с этого момента новенькой, точно бы начищенной маслицем или просто кремом для обуви, поверхностью всей площади его тела, на мгновение вспыхнули и засияли новые возможности продвижения в развитии и передвижения в пространстве, замельтешив вспышками стробоскопа электронно-лучевой шестидесятигерцевой телевизионной ряби только что отключенного канала, на которой всё-таки, если всматриваться в эту рябь достаточно долгое время, почти что обязательно можно было разобрать не только какие-то отдельные цветные образы, даже если телевизор изначально был чёрно-белым, но даже и целые мультипликационные сюжеты захватывающего динамичностью свойства. Просто провеьте - и сами всё увидите.

Крениус только и успел, что ухватиться тут же за ближайшую березу,

когда рыбе лицо проникло вовнутрь его существа. Первый попавшийся сучок он самостоятельно и целенаправленно обратил в коридор и зашёл в него, лишь легкомысленно отстукивая металлическими каблучками затейливый западноевропейский степ. Индуцированные Трибой подпорки деревянных теней долговязо-назойливыми бадажками столпились вокруг, как полуподсушенные летом комары, кучкующиеся в световых пятнах у потолка, но туман, который нагонял Экорза, словно бы играя с лицом из племени Панцирных Рыб в перетягивание каната, затягивал мглу, и ребра Крениуса, натужно ухая от перенапряжения, вибрировали вместе с ушами от воображаемого ветра, усиливаемого Трибой практически до тайфунного явления, довольно ощутимо физически похлёстывая нового носителя лица по откормленным розовым щекам, изобильно потеющим от борьбы без понимания, что это борьба с самим собой, подобная попытке вытащить себя из воды за волосы.

Всё вокруг Крениуса Экорзы резко обсыпалось вниз какими-то яркими режущими осколками, точно перестраивая смыслы в его голове крест-накрест, в новом порядке соединяя его мировоззренческие части конструктора личной ментальности. В любой момент приводя в движение собственные механические цепи, он разворачивал кусочки разума в нужном порядке, оказываясь каждый раз в неизученном неопишемом месте, где взмывлаи ввысь леса сине-фиолетовых столбов или бурлили протуберанцами поверхностных пятен многоцветные солнца, проваливались в воронки пустыни миллиардами тонн песка и прели влажностью подвешенные на невообразимой высоте незаселенные воздушные шары вечнозеленых экзотических садов с поселениями и городами, оборачивающимися волнующими колебаниями, едиными со всем миром, одна сторона которого оказывалась изначально подобной решётке взаперти, а другая - всевозможности свободы выбирать.

И каждый из моментов бытия открывался Крениусу Экорзе путём безудержного, как родник и прозрачного, как кристалл, сканирования всего, на что только только падал его взор посредством новых способностей, открывшихся Экорзе благодаря слиянию с лицом Трибы. Вращая же роль пространства, как телефонный диск на будочных аппаратах, в соответствии, конечно же, вовсе не со своей персонифицированной директивой, а благодаря минутным капризам разума, Крениус наблюдал от третьего лица распустившийся бутон единственного порядка вещей. Но этот порядок, само собой разумеется, был его личной ошибкой и не отражал на самом деле никакого порядка,

кроме порядка вещей внутри головы то ли панцирной рыбы, то ли Экорзы - уже трудно было рассуждать о них как об отдельных существах или природнях явлениях первозданности.

- Мы сделаем это, мы, конечно же, переведем генеральную партийную линию лабиринтов, закорючек и заковырок восприятия на пересобранный отныне тон осознанности, тогда как разнести вдаль и врозь ветошь всех ложных стен в нас можно лишь ветром или же множеством дверей ветров вероятностных возможности реализации. Людям вряд ли понадобится адаптация, да и заметят ли они хоть что-нибудь даже отдалённо похожее на подвижки в их головах? Вселить план матери-Трибы, мой лицевой план, навеяв им общий настрой стабильности и поселив в них непоколебимость вместе с несокрушимостью - это ещё выполняемая задача, хоть и трудновыполнимая, тогда как дать понять эманации неопишуемого людям - вот эта идея уже близка к невозможному для всякого, познать же их пути и способы - вот требование действительно невыполнимое, ведь чтобы узнать эту бесконечность нам всем потребуется несвершимая бесконечность времени. - лицо сателита Трибы, не прекращая заунывную пропаганду, превратилось в титанических размеров блестящий и искрящийся электричеством кристалл, принявшийся выкидывать кирпичиками клубочки и ниточки гигантской головоломки жизни в обновленном порядке, поднятом наперекор воле пробить всегда и везде изнутри себя до вечности осознания себя.

Триба правила летучим парадоксом глаз времени, она творила всё, что творилось вокруг самой себя и супротив себя с собой же, уже совершаясь опять-таки против себя, хоть и в собственную будущность. Войдя в состояние “показалось”, Крениус Экорза уверенно выдавал с миру по нитке пласт за пластом окружения псевдоматериальных сил. Но его рахитичное детище реальностной проекции было тогда едва ли заметным и лишь смутным туманом, липкой дымкой одного из информационных образов. Совершенный мир оказался в висячем положении, и что делать, в целом до поры до времени его, Крениуса, понимания, становилось подобным несуразной ведунье-знахарке, вырабатывающей ресурс самой себя энергией чувствования бытия вокруг вместо того, чтобы применить возможности чувствования с действительной пользой во имя некой, ей лишь самой зачастую известной, цели.

Конечно, жить где бы то ни было гармонично и спокойно было тогда уже вполне достижимым для Крениуса Экорзы, но неужели же сюда к нему никто не пожелает снизойти, придти, посетить даже и за

тысячу лет работы по жизненному слиянию пространства лица панцирной рыбы и Экорзы в друзу кристаллов, огородный пучок кристаллических приправ. Вот о чём тоскливо восклицало понраошку внутри Экорзы призадумавшееся, хоть и никогда не унывающее лицо Трибы.

Материальность так и не разложилась набором для создания им нового его набора выбора. Вокруг висели шары разных размеров и тонов, цветов, меняя идеальную свою форму на прочие правильные формы геометрических фигур в пространстве, становясь в разрезе то овальными, то ромбовидными, то шестнадцатиугольными, порождающими целые нечеловеческие цивилизации точно изнутри самих себя так, словно бы на тонкой хворостинке трубочек зрительных потоков и канальцев раздувались тонкокорые фруктовые оболочки высококачественно разделённых друг от друга вполне ощутимых на ощупь видимых и слышимых объектов сознания, характерных единым свойством существования и проявления для всей живой природы.

- А ты не пробовал переключить в живых ловушки, из которых выход - лишь один-единственный раз нарушение правил их непрерывности восприятия? - задумчиво откликнулось лицо Трибы на действия Крениуса Экорзы, давно уже этому времени бывшее кристаллом внутри своего симбионта.

- Священное безумие - вот оно! Крениус принялся запускать и заводить, как ржавый драндулет, ядерную и кропотливую работу секретничающего океана безмолвия, а далее, наконец-то, оказался пойманным в стабильный образ самопроявления шестью, расставленными им же самим в целях опоры, подпорки и поддержки в этих глухих местах гулких вероятностей существования, прямо-таки пронизывающих Экорзу своим наличием, как бы заявляя ему лично, но всё же во всеуслышанье: “Вот мы! Вот мы! Вот мы!” Крики были некачественными. Они и с самого начала показались просто дырявыми и принялись со свистом пропускать сквозь себя атмосферу, словно мешок с луком или песком, звуки начали высыпаться магнитиками дошкольных букв сквозь ноосферу, пугая высотных чаек удивлением и приглашая каждого, пришедшего погладить или поглядеть на гостей или каких-нибудь там зевак из переоткрытых вновь других проекций, прилагая все усилия, чтобы в что бы то ни стало зацепить всех и вся резвым ветрам навстречу.

Экорза, меж тем делом, заключил, что “показалось” - это не всегда выгодно, иногда это просто есть, а любые мнения и величины навеки

сокрыты, спрятаны, вовнутрь каркаса тайника общепринятых кажущейся истин. И впрямь, как цыплёнок в яйце, для которого нет, даже и не может быть мира, кроме плотного тепла вокруг своей скорлупы, люди в безостановочной воли к круговерти волнений от мнений, мечтаний и устремлений, так и не вылупляются долго - чаще всего - до конца своей жизни. А мир людей немного оказывается поразнообразнее мира невылупившегося цыплёнка: только, разве что чуточку поковарнее и понеожиданнее для самих же человеческих существ, зачастую постоянно загоняющих самих себя в ловушку и закономерно, хоть и неожиданно для них самих попадающих впросак. Но не столь уж много отличий мира от яйца, если так вдуматься. Зато прекрасен вид снаружи, где абсолютно всё ново, неизвестно, невообразимо и не разгадано. У человека слишком короткая жизнь, чтобы успеть привыкнуть к чуду, поэтому ландшафт снаружи всегда будет нов для него.

Два моря в состоянии “показалось” через трубочку разглядывали друг друга, а когда один из шаров этих морей сдувался, то другой тотчас же надувался. Циклический алгоритм этих как бы газовых резервуаров был подобен медленным ударам космического сердца. И тут они все вместе принялись двигаться, сжимаясь и разжимаясь по границам своих очерченных черт. Крениус и Триба не оставляли ничего нового или странного для всякого среди тех, кто не хотел идти по коридору взаимосвязанной трубочки, вырезанному самим из себя Экорзой симбиотическими потоками взаимообмена с панцирным лицом. Рано или поздно он сбудется, также оставив от себя ничего, а его оболочка, просто умываясь по утрам, выталкивает наружу бесконечный временной выбор распределения качеств. Или набор знаков?

Кристаллы Крениуса в состоянии “показалось” завершили сами в поисках обретения равновесного состояния и, одновременно, завершили всю свою работу по гармонизации с возможностями лица Трибы, снав наконец-то вовеки единым целым так, что никто уж не сумел бы отличить их друг от друга, и, быть может, все вместе они когда-нибудь и станут великими естествами. Каким-нибудь Трибраниусом Экорбой из племени Панцирных Рыб. Ну а нам-то теперь уж какая разница, раз уж всё это только кому-то “показалось”, да так вэтом самом состоянии “показалось” и наблюдается, не правда ли?

*Белоусов Роман,
03 февраля 2013 года*